

Наруто был... задумчив.

В одно солнечное утро мать объявила, что, поскольку ему уже исполнилось шесть лет, она записала его в местную начальную школу, и ничто не сможет ее переубедить. Он приводил доводы в пользу домашнего обучения или частных репетиторов; он пытался рассуждать, умолять, дуться, дуться, даже звонил своему бесполезному отцу, чтобы отстоять свою правоту, но Йемицу только и делал, что кормил его какой-то ерундой о том, что школа - это важный формирующий опыт, Цу-кун и слушайся свою маму, тунец-рыба, она знает лучше, и тебе нужно завести друзей, это будет полезно для тебя, сынок.

То, что Курама согласился со своим глупым отцом в последней части, потрясло его настолько, что слова лиса запечатлелись в его упрямом сознании.

У тебя всегда буду я, Наруто, - начал Курама, голос его был мягким, но стальным, он смотрел на него, смотрел сквозь него, - но тебе нужно общаться с людьми в этом мире. Ты никогда не был одиноким существом, малыш. Тебе нужны люди в твоей жизни.

Наруто уже тогда понял, что ситуация критическая, потому что Курама принципиально не занимался этой сентиментальной ерундой.

В школе полно маленьких детей, - попытался возразить он, что прозвучало довольно жалко даже для его собственных ушей. У меня нет с ними ничего общего. Это было правдой, но не главной проблемой, и они оба это знали.

Вздыхнув, как измученный родитель, которому хотя бы раз в жизни приходится вести подобный разговор со своим ребенком, Курама покачал головой. Попробуй пару месяцев, и если не сможешь справиться с детьми, то отправь теневого клона в школу, а сам перейди во взрослую форму, чтобы общаться с людьми, более близкими тебе по возрасту. Этого должно быть достаточно, чтобы начать обучение контролю чакры.

Смущение окрасило его лицо, когда Курама окинул его язвительным, знающим взглядом, заставив опустить глаза в пол и проклясть сочувствующее мастерство лиса. То, что Курама не часто проявлял эмоции, не означало, что он был слеп и глух к внутренним переживаниям Наруто. То, что лис вмешался в этот раз, вместо того чтобы позволить ему разобраться со своими проблемами в одиночку, означало, что Наруто отлично изображал страуса и зарыл свои проблемы так глубоко, что ему понадобилось бы дзюцу земли, чтобы их раскопать. Или неравнодушный биджу.

Не думай, что я не заметил, как ты отлыниваешь. Дерьмовой печати старика нет уже несколько месяцев, а ты только и делаешь, что тренируешь тайдзюцу и медитируешь на свой кеккей-генкай. Ты все время думаешь: в чем смысл? Пока у тебя все хорошо, но на самом деле ты не адаптируешься, сопляк, а просто обманываешь себя, что адаптировался. Ты скучаешь по семье, по друзьям, по деревне, по прежней жизни... И это нормально. Ты можешь скучать по ним. Но ведь это не настоящая жизнь, не так ли?

А ведь именно в этом и заключалась суть вопроса, не так ли? Наруто потирал затылок, краем глаза поглядывая на лиса, как нашкодивший ребенок, не привыкший к такому положению. Девяносто процентов времени он был голосом разума и зрелости в их партнерстве. Им обоим было неприятно, что приходится вести подобные разговоры.

Глаза Курамы сузились, словно обвиняя его в том, что он вынужден указывать на это, а затем лис сказал, резко и жестко, и окончательно: "Иди туда, заведи друзей, начни серьезно тренироваться и выйди из своей депрессии".

И на этом все закончилось.

И вот он был здесь, в свой первый день в начальной школе Намимори, сидел под деревом в школьном дворе во время обеденного перерыва и ел свой бенто, в то время как маленькие дети вели себя как маленькие дети повсюду. Это было... скучно до невозможности; по крайней мере, так было до тех пор, пока один черноволосый коротышка, может быть, на год старше его, не направился к нему с узнаванием в своих серых глазах.

"Плотоядный", - выдохнул мальчишка, когда добрался до Наруто, благоговейный, как черт, с широкими глазами, полными удивления, держась от него на приличном - читай: безопасном, недоступном для оружия - расстоянии.

Наруто был уверен, что никогда не встречал этого мальчишку, и с этой мыслью обратился к другому источнику, который мог знать, что происходит, но тщетно надеялся на обратное. Он дал ему контроль на одну ночь, чтобы сжечь печать, ради мудреца. Сколько проблем он мог причинить за одну ночь? Чертовски много, подумал он. Наруто следовало бы извлечь уроки из инцидента с тофу в Нара.

Что ты сделал?

Молчание.

Курама.

Дрожащее передвижение ног.

Объясните.

Виноватое виляние хвостами.

Сейчас.

Лис нарушил подозрительное молчание и начал быстро бормотать слова, почти не слышные

Наруто. К сожалению, он услышал, а потом пожалел, что не услышал.

Я мог бы пойти проверить плохие районы города, которых мы избегали в прошлый раз, потому что твой кеккей-генкай - еще большая киска, чем Мататаби, и я мог бы наткнуться на этого сопляка, пытающегося стать кем-то вроде мини-офицера КМПФ, и я мог бы спасти его от какого-то отброса, готового воткнуть ему нож в почку.

Надо же, все это на одном дыхании. Стоп, а при чем тут военная полиция Конохи? Насколько он помнил, семилетним детям не разрешалось вступать, если только они не были Учиха, мать его, Итачи.

Ладно, это не так уж и плохо. Ты спас жизнь ребенку, молодец. Позитивное мышление, напомнил он себе, было ключом к успеху в жизни. Он ведь обещал попробовать жить, не так ли? Поэтому Наруто постарался сосредоточиться на положительных моментах, чтобы не задушить лиса насмерть. Убийство не было решением жизненных проблем, нет. Он не пойдет по пути Сасукэ, как бы сильно ему этого ни хотелось. А вот объяснение хищной части не очень-то внятное. Что. Что. Ты. Сделал?

<http://tl.rulate.ru/book/102722/3559624>